

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ
СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ СССР

Год издания 30-й
№ 8 (3974)

Суббота, 17 января 1959 г.

ЦЕНА 40 КОП.

Год разгона в грядущее

ЕЩЕ ОДИН год позади... Обычный и необычный год. Обычный потому, что мы планировали его, мы знали, что он будет таким. Вот перед нами итоги выполнения плана развития народного хозяйства страны за 1958 год. Он блестяще закончился, этот 1958 год. Огненной точкой, поставленной в конце его, была космическая ракета, взлетевшая в небо, как вечный не окременевший, а непрерывно находящийся в движении памятник наших успехов, тоже стремительных.

Годы жизни нашей страны, годы титанического труда, годы напряжения и радости, годы счастья и надежд — они словно ступени гигантской ракеты выносят нашу страну к вершинам будущего, к тем высотам, о которых грезили веками лучшие умы человечества, стремительную траекторию к которым начертала рука Ленина.

Годы пролетают. Они подпирают гигантский корабль нашей страны, они выносят его в полет на стреловидных крыльях. Отпадает один год, давний нам по воле судьбы, приглядывая нам новую скорость. На его место заступает следующий.

Но сегодня мы поводим этот год необыкновенному. Это он стал фундаментом, стал титанической эстакадой трамплина для полета нашей страны в семилетку. Кончилась еще одна ступень, и мы на стремительных скоростях вырвались в первый год семилетнего плана, который является уже первыми подступами к вступлению нашей страны в коммунистическое общество.

Полтора года назад партия осуществила перестройку управления промышленностью и строительством. Что дала эта перестройка? Гигантский разворот творческой инициативы, огромное повышение активности народных масс.

Социалистическое соревнование — старый, испытанный метод роста трудовых успехов — было открыто в этом году одним из самых значительных событий последнего времени.

В ближайшие дни собирается XXI внеочередной съезд нашей родной партии. Опубликованы поразительные по своему размаху цифры нашего движения вперед, с которыми мы ознакомились и торопимся ознакомиться каждый советский труженик, читавший тезисы доклада Н. С. Хрущева на съезде.

Будущее вдохновляло людей. Будущее руководило их усилиями в настоящем. Зримое, скрепленное убедительностью цифровых выкладок, оперенное, как стрела, вдохновенным ощущением достигаемых перспектив.

Вот почему 1958 год явился не совсем обычным годом. План его был выполнен нашей промышленностью досрочно. Более того, он был значительно превышен — он создал тот необходимый разгон, который был нужен стране для осуществления величественных заданий семилетнего плана.

Именно такой мощный подъем всех отраслей экономики на базе преимущественного роста нашей тяжелой промышленности был необходим нам. С этого фундамента идти нам вперед по линии дальнейшего усиления богатства страны.

Кажется, совсем недавно я был свидетелем того необыкновенного успеха, я не побоясь даже сказать сенсационного успеха, который имела наша Советская страна на всемирном форуме более чем 50 государств — всемирной выставке в Брюсселе. В хрустальном дворце своего павильона страна показала в миниатюре убедительные признаки того, чем мы являемся в настоящее время на нашей многообещающей планете...

И вот еще один год позади, еще одна ступень — она выше, она шире, она светлее, чем все предыдущие.

Объем промышленного производства в этом году увеличился по сравнению с 1957 годом на 10 процентов. Это очень много. Производство же основы основ нашей индустрии — средств производства — выросло еще больше: по предварительным данным, на 11 процентов. Это — отлично. Новые промышленные предприятия, вступившие в строй, — 800 за один лишь год; новые угольные шахты и разрезы — 57 за год; 7 новых доменных печей общей мощностью 4,9 миллиона тонн чугуна в год. Вот они, цифры развития нашей индустрии!

Необычайные успехи научной мысли нашего народа. Это она, советская наука, намечает пути роста промышленности, протравливает стены неведомого с тем, чтобы вести индустрию путями новыми и необыкновенными.

ИСТЕВНИЙ год славы трудом советских людей, работающих в сельском хозяйстве. Откликнувшись на призыв партии, они подня-

лись на решения главных проблем, связанных с задачей повышения роста благосостояния народа. Еще никогда в нашей стране не было собрано такого необыкновенно богатого урожая — 8,5 миллиарда пудов зерна. Миллионы тонн сахарной свеклы, картофеля, овощей, хлопка, подсолнечника — ценнейшие сырье для нашей легкой промышленности страны.

Как своевременно была проведена партийная реорганизация машинно-тракторных станций, как содействовала эта реформа развитию колхозного строя. И если мы по сравнению с 1957 годом увеличили сбор зерна более чем на 2 миллиарда пудов, то по общему производству молока наша страна уже догнала в истекшем году Соединенные Штаты Америки. Что же касается общего производства мяса, то США в 1957 году были уже позади.

Все, что мы имеем, богатство наше, гордость наша, сила наша созданы ими, простыми советскими людьми, неустанными тружениками; их руки касались и пульса атомной электростанции, и клавиатуры современной автоматической лунки, и рычагов трактора, и легкого духи стремительно летящих нитой на текстильном комбинате. От зеркальной поверхности космической ракеты, вырвавшейся в большой мир, до детских игрушек, выставленных в магазине «Детский мир» — все это плоды труда рабочих рук.

Вот почему с особым удовлетворением отмечаем мы неуклонный рост благосостояния советских людей. На 7 процентов по сравнению с прошлым годом выросло производство предметов потребления. Значителен рост национального дохода нашей страны — на 9 процентов. Выросли льготы, которые население получало от государства. Выросли денежные доходы колхозников. В значительной степени истекший год решил один из важнейших вопросов, связанных с бытом советских людей, — жилищный вопрос. 68 миллионов квадратных метров новой жилой площади! Это значительно больше, чем было ранее намечено планом.

ЕЩЕ ОДНА черта характеризует пройденный год. Это величайшее единство трудового напряжения и трудовых успехов многонациональных республик нашей страны. Где, когда знала история такой монолитный и согласованный строй народов, развивавшихся в творческом содружестве? Российская Федерация и Украина, Казахстан и Грузия, Армения и Латвия... Все они — 15 республик нашей страны — перевыполнили планы развития своей экономики и культуры.

Особенно радостно ощущать силу и рост нашего государства, окруженного таким же расцветом всех стран социалистического лагеря.

Я вспоминаю, как в разделе культуры Советского павильона старый, умный американец, экономист по профессии, склонив свою седую, по-орлиному художью голову над томами Маркса и Ленина, говорил мне:

— Я начал изучать книги ваших теоретиков. Вы спрашиваете меня, зачем? Приходит время, когда с их трудами нам, буржуазным экономистам, необходимо ознакомиться.

Сделаю паузу, художью американец подумал немного и сказал:

— Если не ошибаюсь, это Владимир Ленин разрабатывал вопрос о возможности построения социализма в одной стране.

Я ответил ему утвердительно. — Как раз эти труды меня и интересуют, — продолжал американец. — Первую мою статью, правда, пока еще теоретическую, но в общем проблема, которая идет по возможности, как вам сказать, ну, сохранения что ли, капитализма в одной стране.

К этим словам мне ничего не хочется добавить. Они были произнесены за несколько месяцев до вступления нашей страны в первый год семилетки. Что же скажут завтра обеспокоенные теоретики капиталистического общества?

Василий ЗАХАРЧЕНКО

ИСКУССТВО И СОВРЕМЕННОСТЬ

РАЗДУМЬЯ НА ВЫСТАВКЕ

Н. ЖУКОВ,
народный художник РСФСР

Я — ХУДОЖНИК и поэтому, естественно, не могу быть равнодушным к судьбам искусства, к путям его развития, к его радостям и горестям.

Когда в 1956 году я поехал в Венецию на Всемирную выставку изобразительного искусства и в разгар лета в чудеснейшем парке Биеннале, где была раскинута выставка, не встретил зрителей! Мне было очень грустно, стыдно и больно за свое любимое искусство, за профессию художника. Из сорока с лишним павильонов этой выставки большинство было заполнено произведениями абстракционизма.

Радость и гордость чувствую сейчас, когда видишь в Москве, около здания Манежа, очередь на выставку произведений изобразительного искусства социалистических стран. Широкий интерес советского зрителя к этой выставке естествен и закономерен, потому что здесь он видит полотна и скульптуры, которые задевают за живое, волнуют. Потому что авторы этих произведений, являющиеся в подавляющем большинстве сторонниками реалистического искусства, обращаются к жизни, размышляют над ее проблемами. Потому что они утверждают историческую правоту идеи социализма, красоту и величие нового мира.

Я убежден, что выставка эта — явление незаурядное в мировой художественной жизни, что она дает материал для серьезного разговора о судьбах искусства, о его месте в современности.

Вспоминаю сейчас, как во время минувшей войны мы, художники, рисовали на фронте, — среди нас частенько стояли солдаты, наши зрители, и своим отношением одобрили или не одобрили нашу работу.

И вот памятью мне то жгучее и непереносимое чувство, с которым делали мы в те времена свои рисунки, стараясь завоевать солдатское уважение к своему карандашу и кисти. Каждый из нас знал, что от него зависит, будет ли солдат — веритель победы над врагом — считать искусство нужным делом в эти суровые дни борьбы за жизнь народа. Важны хлеб и снаряды. Помню, что в такие минуты солдатская улыбка или предложенная цыганка были самым большим поощрением нашей работы.

Думаю, что это чувство в равной мере испытали не только мы, художники, но и актеры, писатели, военные корреспонденты, все, — чья творческая работа помогала в те дни ковать победу над врагом и заслужила в нашем народе прочную любовь и уважение.

Я убежден, что именно вот это драгоценное чувство любви народа нам и нужно беречь, как зеницу ока, именно это и определяет дальнейшую судьбу искусства и очень существенно для воспитания нового поколения талантливых художников. В нашей среде, особенно среди молодежи, часто бывает так: покажет художник свои работы зрителю и, получив от них какие-то критические замечания, сразу выражает свое несогласие, недоверие, считает, что эта критика идет от непонимания. Так ли это должно быть? Разве наше искусство обращено только к особым, избранным людям, а не ко всему народу?

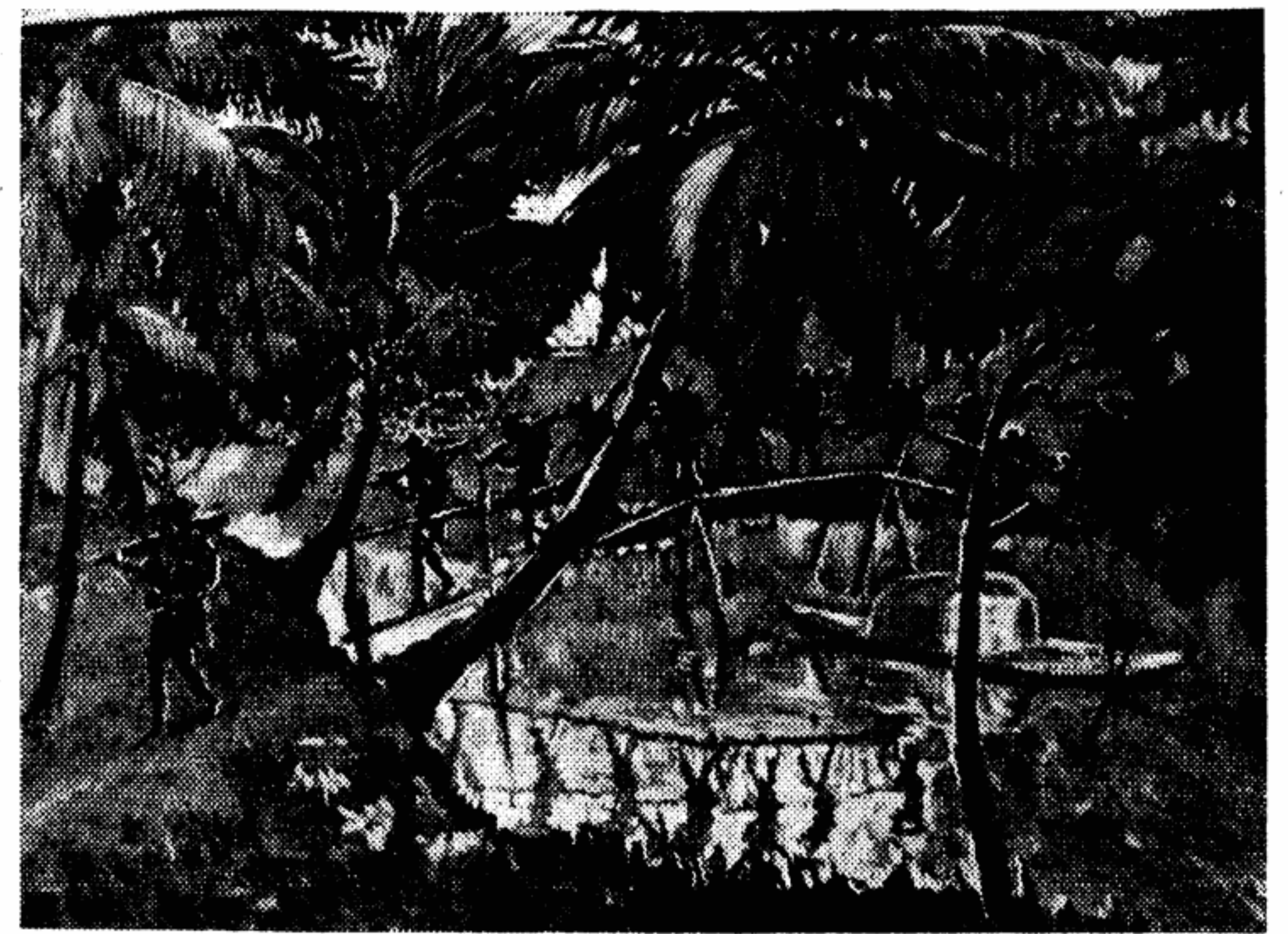
Я убежден, что искусство только выиграет, если мы научимся внимательно и терпеливо относиться к критике, если мы разовьем в себе большую потребность общения с разными людьми. Бесспорно, что нам нужны не только умные художники, но и умные зрители, но неверно думать, что только первые делают вторых. Без зрителя наше искусство никому не нужно, зритель влияет на наше творчество, формирует его, делает сам творческий процесс ответственным и радостным.

Обо всем этом я думал, когда был на выставке, ходил по ее огромным залам, знакомясь с произведениями художников двенадцати социалистических стран. Было ясно видно, какие вещи рождены желанием стать ближе к народу, разделить его радости и разделить печали, а какие — пусть их не много — только формальными поисками, только оригинальничаньем и мажорностью.

Но сначала о главном — радостном и примечательном. Для меня явился в полном смысле открытием нового художественного мира раздел Вьетнама. Стоящий рядом со мной зритель сказал своему товарищу: у меня душа тесно, ты знаешь, но, ей богу, любую бы вещь здесь взял, повесил бы у себя и каждый день любовался.

Произведения вьетнамских художников плечом и душой к сердцу и глазу зрителя, что в них удивительно сильно и органично слепятся важнейшие свойства большого реалистического искусства — глубина содержания, выраженная с огромной образной поэтической силой, и пронизывающее все произведение национальное своеобразие.

Представьте себе, что вы очутились на земле другой страны: как будто бы везде одно и то же небо, но как оно различно: как все кругом иначе, по-своему окрашено, как необычны, непо-

«Ночной поход».

Художник Нгуен Хием (Вьетнам)

вторыми люди и пейзаж. И вот эти замечательные особенности каждого края, каждого народа определяют неповторимую национальную специфику искусства.

Произведения вьетнамских живописцев, прежде всего их великолепные лани, и воссоздают образ незнакомой для нас, далекой и прерасной земли. Бездонное, ослепительно синее небо, серовато-голубые, дрожащие в знойном мареве горы, деревья, кажется, святые, сияющие в раскаленном воздухе; маленькие фигурки женщин, работающих на полях, — вот он, Вьетнам! И вот эта картина Хоанг Тин То носит прозаическое название «Бригада взаимопомощи за посадкой риса», однако в ней воссоздается обобщенный поэтический образ страны.

В лаках вьетнамских художников поражает безупречный рисунок, необыкновенная живописная тонкость. Как бывает абсолютный слух, так у многих из них есть абсолютный вкус. Поэтому так прелестны, казались бы, даже самые скромные композиции вроде «Прах и тланих» Нгуен Дык Нунга.

В авторах картин все время ощущаешь людей, влюбленных в свою страну, в свой народ. Отсюда одухотворенность, поэтичность их вещей. Даже скромные пейзажи воспринимаются как нечто необычайно значительное, как часть большой панорамы жизни; за рамками полотна картина не кончается, она точно простирается дальше, заставляя зрителя представить себе новые и новые просторы. Вот «Бамбуки» Чан Динь Тхо — тоненькие полусгнившие стволы бамбука на ярком фоне. Все выписано с огромной тщательностью, пронизано каждая деталь, но это не натуралистическая копия жизни. Картина звучит, как стих.

Во вьетнамских лаках есть определенная условность, идущая от древней национальной традиции. Изображение дается на красном, золотом или другом интенсивном цветовом фоне, подобно тому, как наши палешане делают свои миниатюры на черном. Фон в произведениях вьетнамских живописцев не безразличен к изображению. То он красный, точно напоенный жаром тропического солнца, в «Бамбуке» — то светлый, передающий цвет утреннего неба, в «Халонгском заливе».

Вьетнамские живописцы по лаку вносят в свои картины элемент графичности. Но жесткости, сухости в их вещах нет, все строится на больших, верно найденных цветовых отношениях. Условность, нарядность вовсе не приводят к красноте. Невольно приходишь в голову чья-то шутилая мысль, что вьетнамские мастера хотя и работают лаком, отнюдь не становятся лакировщиками.

И, что самое главное, традиции старинной живописи, оказывается, вовсе не противостоят современной теме. В своей определенной, ясно выработанной манере художники по лаку свободно решают современные сюжеты.

«Народное восстание в Нгэ Тинге» (коллективная работа группы художников). Стремительность движений, гущища под порывами ветра деревья, надленные своим характером персонажи, как бы выхваченные из гневной, счастливой толпы; золотой фон, как свет солнца, свет победы, разрывающийся над городом.

«Ночной поход» Нгуен Хиема. Солдаты сплочкой идут по высшему узкому мосту над речкой. Суровые ритмы неудержного движения, серебристо-зеленоватый свет луны, обволакивающий джунгли, — кажется, весь Вьетнам, поднимаясь по этим ночным дорогам.

Мне кажется, что действие реалистического произведения тем сильнее, чем яснее и органичнее выражена в нем национальная специфика. Но сама национальная специфика в искусстве — это прежде всего глубокое постижение души народа, образа его жизни, его культуры, его традиций. В самом деле, там, где, например, вьетнамские художники переходят на европейскую манеру, в живописи маслом,

они несравненно слабее, чем в своих непревзойденных чудеснейших лаках, которые, я повторяю, являются для меня и, наверное, для многих зрителей подлинным художественным открытием.

Советские люди за последние годы еще лучше узнали и полюбили китайское искусство, которое всегда отличается остротой и актуальностью своих тем и сюжетов. Одно только перечисление названий картин уже говорит о горячем желании художников непосредственно вторгнуться своим творчеством в жизнь: «Ветер и снег — не помеха», «Дружба глубокие воды», «Сообща трудиться, сообща пользоваться плодами труда», «Борьба за минуты и секунды». Эти призывы к действию, к борьбе привычно встретить на плакатах. У китайцев они стали не только названиванием, но и содержанием многогранных композиций. Невелика по размеру вещь художника Ли Ху «Ночной вид Шаньшаньского водохранилища», но, глядя на нее, мы отчетливо ощущаем размах и величие трудовых усилий человека. Мощь нового Китая сильно выражена и в коллективной работе художников скульпторской студии «Раздвигаем горы и создаем моря». Фигура обнаженного юноши исполнена мощи. Да, это действительно величайший символический образ пробуждающегося Востока. Это придает ей некоторую натуральность и снижает ее художественную ценность.

Характерно, что, нередко проложив работу в технике и стиле «Гохуа», китайские мастера обогащают его в то же время новыми смелыми открытиями и достижениями, помогающими им решать важнейшие проблемы современности. Глубокое впечатление оставляет картина Ван Шен-ле «Восьмь героинь бросаются в реку». Живым современным чувством согрет мучительный рисунок художника, очень сочный, полнокровный, экспрессивный. Традиция и современность соединились тут органично.

Это особенно важно подчеркнуть, потому что такое, например, полотно, как «Провозглашение Китайской Народной Республики» художника Дун Си-энь, как мне кажется, свидетельствует о притуплении национальных черт у некоторых живописцев, пробующих механически подражать европейской манере. Такие недостатки свойственны и некоторым полотнам художников Монголии, Кореи. Хотя, конечно, и в этих отделах собрано много интересных, радующих своей зрелостью вещей. Мне, например, запомнилась картина известного монгольского художника Цзвэжжа Очирныа «Вой быков». А в корейском разделе, среди ряда других, хотелось бы отметить также диаметрально противоположные вещи, как скульптура Ю Вон Сока «Массовое убийство на Ратенском руднике», в которой сильно переданы народный гнев и народное страдание, а с другой стороны, маленькое полотно Пак Кён Нана «Дождь» согрето теплым и нежным чувством.

Социалистическое по содержанию, национальное по форме — принцип нашего советского искусства — как мне кажется, вполне распространяется и на искусство всех стран, представленных на выставке.

(Окончание на 4-й стр.)

В ГОСТЯХ У ПИСАТЕЛЕЙ

НА ДНЯХ в Центральном Доме литераторов состоялась беседа о путях дальнейшего развития колхозов. Обсуждались вопросы: об общественном хозяйстве колхозов и личной собственности колхозников, о производительности и оплате труда в сельскохозяйственных артелях и т. д. В беседе приняли участие представители Всесоюзной академии сельскохозяйственных наук имени Ленина, журнала «Наука и жизнь» и колхозников: А. Мусатов, Н. Емельянов, О. Писаревский, Ю. Чепурин.

как хорошо это было принято читателем. Мы будем расширять архивные публикации.

В этом году посвятим ряд больших материалов таким темам, как «Театр и достижения кинематографии последних лет», «Телевизионный театр сегодня».

Мы ввели постоянные рубрики «Переписка с читателем» и «Полезные советы». Опыт говорит, что этот раздел полезен не только актерам, но довольно значительной группе читателей.

В отделе зарубежного театра мы намерены широко и оперативно откликаться на самые существенные явления в мировом сценическом искусстве. Театр стран народной демократии, естественно, будет в фокусе этого отдела. Особое внимание уделять критике ревизионистских течений на Западе. По-прежнему будем искать новые формы подачи материала, оформления журнала.

Н. ПОГОДИН,
главный редактор

Вместе со счетчиком

УЧАСТОК Ивана Ивановича Жукова — счетчика, которому я спутниковую — десять деревьев Зуевского сельсовета Зуевского района, Кировской области. Деревня маленькая: в Ершах, например, пять изб, и живет в них 15 человек, в Басах — 70 человек. Когда-то такие крохотные селения назывались тут починками, их жизнь красочнее описал в «Истории моего современника» Корolenko. Конечно, с той далекой поры все изменилось неузнаваемо, а главным образом люди. Курные избы исчезли. Сегодня этот уголок большой нашей земли мало чем отличается от многих других. Перемен много, но двадцатилетие, отделяющее нас от последнего переписки, было в этом преобразении решающим.

Мне довелось быть счетчиком в переписи 1939 года. Какое чувство неловкости приходилось тогда испытывать и счетчику, и переписываемому, когда последний оказывался неграмотным! Никогда не забуду не старую еще женщину, которая с душевной болью говорила: «А меня зачем записывать? Я неграмотная, пенек я лесной и больше никто. Отца с матерью ругают, что не учили меня...» Перепись 1959 года знаменует полным отсутствием неграмотных и в этих ятских деревеньках. Из их 588 обитателей троих имеют высшее образование, десятка три наберется по среднему образованию. Примерно столько же уроженцев этих деревень будет переписано в городах как студенты. А выходящих из здешних мест, работающих на Урале, в Сибири, на целине специалистами и рабочими, трудно подсчитать даже приблизительно. Книжки, радио, газеты давно приближили здешних людей к большой жизни Родины и мира.

Двадцать лет назад лапти были в этих

местах еще распространенным видом обуви. Сейчас, готовя клубную постановку, надо затратить немало усилий, чтобы раздобыть несколько пар лаптей для артистов. Металлическая ложка, миска, кровать прочно вошли в быт, заменив деревянные. Была пора, когда жители целой деревни завидовали односельчанину — единственному обладателю стальных часов. Сейчас жить и работать по солнцу или петухам просто немислимо — дворки, свиньки эдакого колхоза имени Пушкина кормят животных по точно расписанному на день рациону. Наручные часы имеются у каждой. Велосипед и мотоцикл помогают быстро добраться до бригадной фермы.

Последние годы ознаменовались полным прекращением оттока населения. Вятская земля стала совсем неплотно кормить земледельца. О том, как она изменила свое лицо, можно судить и по такому примеру. До Октябрьской революции на территории, которую ныне занимает колхоз имени Ленина Семумского колхоза, в 120 деревнях было 1465 крестьянских домов, из них 310 безлюдных; 33 проц. дворов крестьянских дворов, чтобы свести концы с концами, занимались отхожим промыслом. Здесь было 4 водные мельницы, 2 ветряные, 17 кузниц (по статистике царской России они считались промышленными заведениями). Из всего населения в земских школах училось только 85 человек. Сейчас колхоз имени Ленина имеет льнозавод, пять электростанций общей мощностью 250 киловатт, много автомобилей, тракторов и сельскохозяйственных машин. Тут три школы-семилетки, три начальные, три клуба и столько же библиотек. Все деревни полностью радиофицированы. Из процессов, происходящих в деревне, пожалуй, ничто так ярко не подтверждает культурный рост, как следующий факт: в колхозе создана группа заочников сельхозинститута.

Зуевка, ставшая за последние двадцатилетие городом, обзавелась большими каменными домами, хорошими мостовыми. Сегодня этот районный центр имеет даже внутригородское автобусное сообщение. Здесь строится мебельная фабрика.

Есть и горестные отметины, принесенные прожитым двадцатилетием. В прошлую перепись меньше было вдов и сирот, чем сегодня: немало местных женщин потеряло на войне мужей, немало вынесли на своих плечах эти скромные, беззаветные героини в тяжелые военные годы. Не регистрировали счетчики в 1939 году и такого числа инвалидов.

...Поздно вечером в одной из комнат Зуевского райисполкома обзаванает сельсоветский районный инспектор ЦСУ Галина Алексеевна Убийко, опрашивая счетчиков и контролеров. Перепись везде идет гладко. Жители деревень понимают ее значение — ответы даются неторопливо, вдумчиво и полно.

И. АРИАНЧЕВ,
специальный корреспондент
«Литературной газеты»
ЗУЕВКА, Кировской области.

Рассказывают РЕДАКТОРЫ ЖУРНАЛОВ

«ТЕАТР»

О ХАРАКТЕРЕ журнала, о его программе в незначительной степени можно судить по составу читателей. А нам известно, что состав читателей «Театра» существенно и, можно сказать, симптоматично изменяется, или, вернее сказать, пополняется. В прошлом нас читали профессиональные работники сцены — актеры, режиссеры, студенты театральные училищ и, как исключение, представители иных слоев интеллигенции. Теперь картина изменилась.

Среди подписчиков на 1959 год — и рабочий из Курска, и учитель из Сушинчей, и крупный ученый-физик из Москвы, и участники художественной самодеятельности одного из совхозов. И такая «пестрота» нас радует.

Мы хотим отразить те сложные и важные процессы, которые происходят сегодня в театре. Идет бурное сближение театра с жизнью. Высказываются и пробуются новые формы общения со зрителем, с народом, новые, более действенные средства изучения его запросов. Театры хотят стать мобильными, эффективными, необходимыми художественными организациями, найти свое место в наиболее действенной помощи партии, народу в предстоящем великом семилетии.

Движение любительских, полупрофессиональных театров дает нам новый контингент читателей и начинает оказывать влияние на театр профессиональный...

Вот, собственно, сфера жизни, в которой работает журнал «Театр». Его определяет и облик журнала в начавшемся году.

Мы по-прежнему будем печатать пьесы, главным образом новые советские пьесы, в том числе произведения А. Корнейчука, А. Софронюка, С. Приорова, В. Розова, Г. Смирнова, А. Алешина, А. Галича, С. Араксманяна, М. Мревиняна и других наших драматургов.

Значительно расширит отдел публицистики. Публицистические выступления в журнале «Театр» и должны быть тем мостиком, что свяжет искусство с наиболее актуальными вопросами дня.

Здесь предполагается выступление А. Аджубая, которое автор будет посвящать новым явлениям в жизни советской молодежи. В. Герасимов пишет статью о бригадах коммунистического труда и возникающих в связи с этим новым явлением жизни проблем драматургии. В. Скартериков работает над статьей об эстетическом воспитании в связи с реформой народного образования.

Мы будем уделять самое пристальное внимание общим вопросам эстетики и теории театра и драматургии. Как раз потому, что мы расширяем круг наших читателей, необходимо, чтобы статьи этого раздела были высококачественными, раскрывающими какие-то новые стороны явления.

Журнал будет публиковать драматургические обзоры, литературные портреты драматургов, посвятивших свое творчество современной теме.

Особо хотелось бы остановиться на некоторых новых формах работы, которые мы пробовали и культивировали в прошлом году и будем расширять и продолжать в этом. Публицистические материалы — близкий жанр — на страницах «Театра».

В прошлом году мы опубликовали неоконченный театральный роман А. Ариногова и по резонансу на эту публикацию знаем,

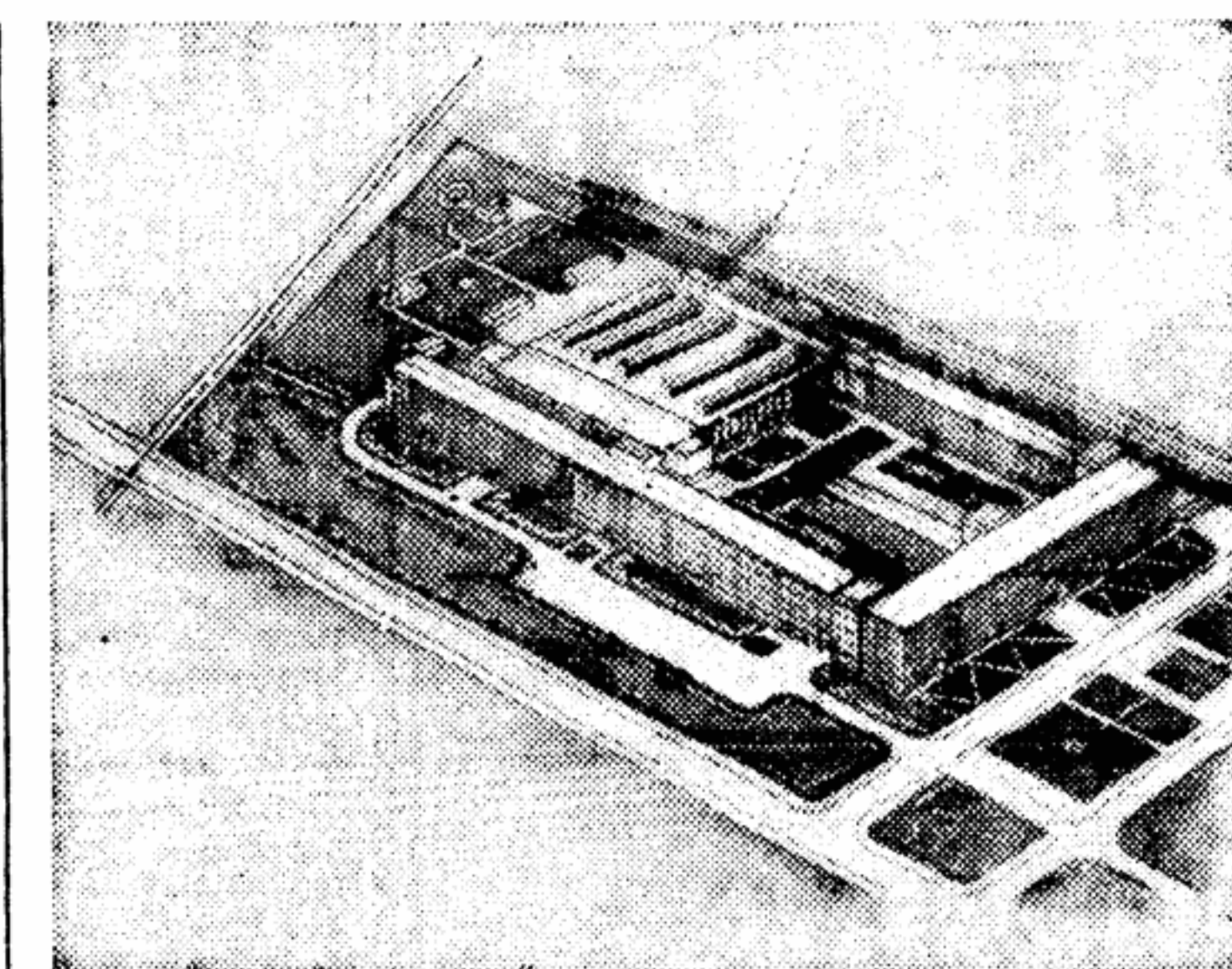
Обсуждаем проблемы семилетки

В СЕЛЕ, КАК В ГОРОДЕ

М. МАЩЕПУРО,
вице-президент Академии сельскохозяйственных наук БССР

метров установлены водоразборные колонки с отводами в отдельные дома колхозников, поделавших «жить, как в городе».

Как только появился водопровод, в селе Косинское потребление воды на душу населения увеличилось в два с половиной раза! А ведь по расходу воды в населенном пункте можно судить и о культуре жителей.

ДВОРЕЦ ПОЛИГРАФИИ

В ПЕРВОЙ же цифре, названной авторами проекта комбинация периодических изданий, — так именуется новое полиграфическое предприятие, — сразу ощущаются необычные масштабы этой стройки семилетки в гор. Чехове, Московской области.

Самое современное оборудование полиграфии, высокая культура и прогресс, достигнутые в этой сложной области машиностроения, будут воедино сконцентрированы в цехах огромного предприятия.

Почти миллион экземпляров в день — такова производственная возможность комбинации журналов, — рассказывает нам начальник отдела полиграфической технологии проектного института «Гипрокинополиграф» инженер П. Матвеев.

Здесь будут печататься не только хорошо известные советскому читателю периодические издания, но и новые журналы. Для того чтобы перечислить лишь названия всех видов изданий комбинации, понадобится бесконечно длинная колонка текста! Одно могу заметить, кратко заключает П. Матвеев, продукция комбинации будет добротной, радующей глаз, яркой, красочной.

Главный инженер проекта А. Штейн знакомит нас с будущим комбинатом. Это не громоздкие по кубатуре цеха, а легкие, высокие, полные света и простора помещения. Представьте себе обширные пролеты восемнадцатиметровой ширины и высоту цеха свыше восьми метров!

Старшее поколение наборщиков и печатников, заставшее тесные, покрытые свинцовой пылью помещения прежних типографий — сырья и холодных зимой, раскаленных от жары летом, знакомых с этим проектом, не случайно назвали будущее сооружение дворцом полиграфии.

Здесь будут стоять машины, очень производительные и сложные, которых пока не имеют еще нынешние предприятия: новейшие монотипы — буквоотливные машины для сложного технического набора, фотолаборные электронные автоматы... По технологии организации производства и совершенству оборудования комбинат будет передовым в стране.

Фабрика журналов рассчитана на выпуск продукции не только на русском языке. Здесь будут установлены новейшие машины для набора на шестнадцати языках различных народов мира. Полиграфический комбинат в гор. Чехове, решенный в необычных для полиграфических предприятий сочетаниях одноэтажных и многоярусных корпусов с применением оригинальных строительных конструкций и новых технологических процессов, — результат работы коллектива проектантов «Гипрокинополиграф» в составе инженеров-технологов П. Матвеева, Л. Виноградовой и Н. Брайнши, архитекторов Е. Хомякова и А. Куршевца, инженера-конструктора и главного инженера проекта А. Штейна.

Пройдет немного времени, и марка нового комбината периодических изданий появится на страницах различных, но одинаково хорошо сделанных советских журналов.

НА ФОТО: проект полиграфического комбината в гор. Чехове.

ВЫШЛИ В СВЕТ...

Ангулов И. Дважды дорогая. Повесть. Свердловское книжное издательство. 260 стр. 15 000 экз. 3 руб. 10 коп.

Вестуев Валентина А. Сочинения. В 2-х томах. Вступительная статья и подгот. текста Т. И. Маслина. Гослитиздат. 75 000 экз. Т. I. 631 стр. 11 руб. 65 коп. Т. II. 742 стр. 11 руб. 70 коп.

Коми нарские сказания. Подбор и литературная обработка текстов Н. Величкиной и Ф. Плещинского. Сыктывкар. Коми книжное издательство. 158 стр. 15 000 экз. 3 руб. 35 коп.

Котляров В. Путни добрые и злые. Стихи. Харьковское областное издательство. 131 стр. 24 000 экз. 5 руб. 50 коп.

ПРЕДСЬЕЗДОВСКАЯ ТРИБУНА

Эпоха и языковой «пятачок»

Алексей ЮГОВ

Простонародное, нелитературное. Редакторской, а иногда и корректорской рукой беспрестанно изгоняется отлагательное наречие «нету» за его якобы «простонародность», нелитературность. И напрасно вы будете ссылаться на Льва Николаевича: «Прочел и понял, что ты делал, и меня положительно нету» (выделено мной. — А. Ю.). — Ну, мало ли что Толстой позволял себе в языке! Но не Толстой.

ПА-ДЕ-КАТРС ГАРНИРОМ

Фельетон

Неплохая вещь. Благодарю. Желаю вам хорошего партнера. Вы вдвоем? Будьте любезны, да лирических сборника за шесть рублей. Во время танго можете читать друг другу стихи. Следующий!..

— Дело в том, — тоскливо сказал директор, — что продажа книг в нашей торговой точке идет крайне неудовлетворительно. А при недоперевыполнении фиделана о премии, сами понимаете, не может быть и речи. Он тяжело вздохнул и, обращаясь к муже, сидевшей на потолке, вяло спросил: — Какие будут предложения? Тягостное молчание прервал голос заведующего отделом. Тонком застигнутого врасплох школьника он неуверенно произнес: — Реклама — двигатель торговли... — Мне нужен факт, а не реклама! — остроумно отпарировал директор. — Ясно?.. — А что, если нам организовать пропаганду книги? — робко предложила одна из продавщиц. — Чтобы каждая книга нашла своего читателя. Директор саркастически хмыкнул. — Меня душит смех, — мрачно сказал он. — Вы идеалистка. Паузу, наступившую после этого, нарушил некий бойкий молодой человек. — Надо людей заставить приобретать книги, — заявил он. — Хочет, не хочет, а пусть покупает. — Правильно! — оживился директор и поощрительно добавил: — Я вижу, вы далеко пойдете. — Нет, недалеко: на соседнюю улицу. И не я, а вы пойдете. К нашему просвещенному руководству из отдела культуры. — Правильно! — вскричал директор. — Это идея. Выслушав грустный рассказ директора книготорговой точки, заведующая отделом культуры покровительственно сказала: — Не горюй, дорогой! Поправим. Поможет. Поднажмем. Ах, жаль, что не подчинены мне кафе и столовые, — можно было бы книги продавать вместе с отбивными. Представляете, как это было бы эффектно! Приходит посетитель в пинцетик: «Дайте, пожалуйста, отбивную!» Тут ему шустрыи официант предлагает: «Пожалуйста! А в качестве гарнира извольте популярную книжечку «Отчего бывают боли в животе». Ну как? — Блестяще! И, главное, незаменимая вещь для аппетита... — Вот именно! Но ничего, мы осуществим организационные мероприятия по культуре. ...Мы уже заранее слышим возмущенные голоса директора магазина Книготорга в городе Кусе, что в Челябинской области, тов. Галкина и заведующей отделом культуры Кузинского райисполкома тов. Велугиной: дескать, таких разговоров мы не ведем и вообще мы — не мы, и слова не наши. Ну что ж, не будем спорить. Возможно, что нам не удалось абсолютно точно воспроизвести форму состоявшихся в Кусе диалогов. Зато их содержание не вызывает сомнений, о чем неопровержимо свидетельствует то, что последовало за этим.

А ПОСЛЕДОВАЛО ВОТ ЧТО. Заключив свои будничные переговоры, кусинские деятели культуры организовали пикет. Праздник книги. При этом со свойственной им находчивостью они выбрали оригинальное место действия: городскую тапчолощадку. Вот как происходило это празднование. К контролеру, оберегающему вход в зал, откуда слышится призывные звуки легкой музыки, подходит, скажем, нежная молодая пара: он и она. — Мы хотим купить билеты, — говорит он. — Все хотят купить билеты, — отвечает контролер. — Но нам хочется потанцевать, — говорит она. — Всем хочется потанцевать, — отвечает контролер. — А разве нельзя? — Можно, — строго говорит контролер. — Но нужны пропуска. — Какие пропуска? — Квитанции на покупку книг вон в том киоске. Понятно?.. Юная пара идет к киоску, становится в длинную очередь и, пока она продвигается, слушает бойкую скороговорку продавца, с усмешкой распродающего свой товар. — Хотите потанцевать, молодой человек? Пожалуйста, па-де-кабр. В том смысле, что с вас четыре рубля. За книжечку стихов. С праздничком вас, так сказать! Получите квитанцию. Следующий!.. Вам, девушка, могу предложить небольшую повесть за два с половиной.

Аналогичный ответ редакция получила от заместителя начальника Главного управления курортов, санаториев и домов отдыха Министерства здравоохранения УССР В. Писарева. Подтверждая своевременность и правильность выступления газеты, он сообщил о работах по коммунальному благоустройству города. Исполком Трускавецкого горсовета после опубликования фельетона «Дикари на курорте» принял решение, в котором предусмотрел ряд мероприятий, позволяющих устранить отмеченные «Литературной газетой» недостатки в обслуживании отдыхающих. Кроме того, исполком обязал органы милиции усилить борьбу с лицами, занимающимися спекуляцией жилищно-бытовыми услугами. Аналогичный ответ редакция получила от заместителя начальника Главного управления курортов, санаториев и домов отдыха Министерства здравоохранения УССР В. Писарева. Подтверждая своевременность и правильность выступления газеты, он сообщил о работах по коммунальному благоустройству города.

От имени друзей Вадима

ЮНОШИ молча поползли на стол свернутой в трубку лист ватманской бумаги, и один из них сказал: — Вчера в вашей газете была напечатана статья писателя Солухина о «Убит не на войне...». Мы пришли, чтобы рассказать о нашем друге, с которым случилось...

В тот момент, когда их товарищ боролся с бандитами и звал на помощь, в соседнем кино окончились сеанс и несколько зрителей проходили мимо. Кто были эти отозвавшиеся на крик о помощи? К сожалению, ребята не знают их имен. Но разве так трудно представить себе, если на ваш взгляд, то внутреннюю сущность человека, который поворачивается спиной к другу, когда тот падает в беду, ускоряет шаг, если слышит зов о помощи, отводит в сторону глаза, видит, как расхищает вор социалистическое имущество? Изысканный в трусости, он обычно лепечет о своей непричастности к преступлению. Но, попав сам в беду, громовым голосом требует помощи общественности, чуткого отношения сотоварищей. Пусть же дойдет до подобных людей, не отозвавшихся на зов Вадима Трайнина, страстный, гневный голос его друзей, справедливо заклеймящих их кличкой трусов.

Вадим уехал во время каникул в Ленинград погостить у родных. Деятельный, энергичный, один из лучших бригадильцев школы, он и здесь, в Ленинграде, вел себя не по-детски, а как взрослый. Вместе с комсомольским патрулем он направился в парк на Петроградской стороне, где проводили каникулы многие ленинградские школьники. Комсомольцы увидели, что группа хулиганов, завладев ватманской горкой, базобранничает и сбивает катающихся ребят. Патруль предложил хулиганам уйти, а услышав в ответ брань и угрозы, попытался унять их. Бандиты набросились на комсомольцев и нанесли несколько ножевых ран Вадиму, от которых он скончался.

Вадим уехал во время каникул в Ленинград погостить у родных. Деятельный, энергичный, один из лучших бригадильцев школы, он и здесь, в Ленинграде, вел себя не по-детски, а как взрослый. Вместе с комсомольским патрулем он направился в парк на Петроградской стороне, где проводили каникулы многие ленинградские школьники. Комсомольцы увидели, что группа хулиганов, завладев ватманской горкой, базобранничает и сбивает катающихся ребят. Патруль предложил хулиганам уйти, а услышав в ответ брань и угрозы, попытался унять их. Бандиты набросились на комсомольцев и нанесли несколько ножевых ран Вадиму, от которых он скончался.

В краткой заметке, адресованной редакции, учащиеся 612-й школы от имени и по поручению своих товарищей пишут: «Когда мы узнали о случившемся, в школе состоялось открытое комсомольское собрание, посвященное памяти Вадима Трайнина. На собрании присутствовали все ученики нашей школы. Группа студентов тут же подала заявление о возбуждении в оперативный комсомольский отдел по охране общественного порядка Кузнецковского района комсомола. Собрание приняло решение: 1. Просить ЦК ВЛКСМ посмертно наградить Вадима Трайнина за проявленное мужество в борьбе с хулиганщицей. 2. Просить Ленинградский городской суд применить в отношении убийц В. Трайнина высшую меру наказания — расстрел. Учащиеся нашей школы обращаются в редакцию с просьбой рассказать на страницах «Литературной газеты» об истории гибели В. Трайнина. Мы считаем, что общественность должна знать о подобных трагических случаях и вместе с товарищами, друзьями убитого поднимать свой голос против распоясавшихся бандитов. Более ста друзей Вадима из 312-й школы, где он учился раньше, сотни подписей из 612-й школы скрепляют это справедливое требование.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

17 января 1959 г. № 8

В. ЕЛИСЕЕВА

Вадим уехал во время каникул в Ленинград погостить у родных. Деятельный, энергичный, один из лучших бригадильцев школы, он и здесь, в Ленинграде, вел себя не по-детски, а как взрослый. Вместе с комсомольским патрулем он направился в парк на Петроградской стороне, где проводили каникулы многие ленинградские школьники. Комсомольцы увидели, что группа хулиганов, завладев ватманской горкой, базобранничает и сбивает катающихся ребят. Патруль предложил хулиганам уйти, а услышав в ответ брань и угрозы, попытался унять их. Бандиты набросились на комсомольцев и нанесли несколько ножевых ран Вадиму, от которых он скончался.

СЕРДЦЕ НЕСТИ ВЫСОКО

Ираклий АБАШИДЗЕ

Автобусы, мотоциклы...
Продвигаются быстрыми шагами
Учащиеся с книжками в руках
И более степенные студенты.
Бурлит город, полный жизни.
За волной течет волна.
И пешеходов по очереди пропускают
Перекрестки широких проспектов.

И это перечисление называется «плотность жизни» и «бурлит город»?

Созерцательность поэта бедой многих наших молодых поэтов. Об этом критика говорит. Созерцательность отмечены и некоторые стихи поэтов, так сказать, по-дилетантски. Об этом говорят мало. Может быть, в последнем случае есть оправдание, что это — неизбежное влияние возраста? К старости мы делаемся спокойнее...

Большой мастер грузинской поэзии Г. Леонидзе по этому поводу великодушно сказал:

Твое время есть повесть юности,
Что ж твой стих умолк, словно раненный?

Стих и юность — их разделить нельзя,
Их одним чеканом чеканили.

Перевод Н. Тихонова

Конечно, проходит у всех нас молодость души, и многих лет к суровой поэзии клонит, хотя, по-моему, переход от поэзии к прозе — вроде как понижение в должности (конечно, если это не переход от плохих стихов к хорошей прозе). Стихи наши с годами должны становиться мудрее, философичнее — это верно. Но у лирики особая философия. Она все равно идет через сердце, и с годами поэту-лирику нельзя скучать чувствами. Про человека равнодушного или слишком трезвого говорят: «Этот человек долго проживет, он ведь ничего близко к сердцу не принимает». Лирика — наоборот. Если она ничего не берет, не принимает близко к сердцу, ее век — минута.

ХОТЕЛОСЬ бы поговорить еще об одной проблеме — народности и артистизме нашей лирики.

«Литература и искусство принадлежат народу...» Иногда эти глубоко верные слова трактуются у нас как-то «просто-напросто» (не подберу другого слова, хотя отлично сознаю его неточность: ведь «просто-напросто» давно уже исчезло из понятий нашей жизни). Думают иногда так: несколько примитивное, мол, но зато народно. Такой постановкой вопроса мы сами открываем ворота для ударов наших идеологических и литературных противников. Мы должны, мне кажется, настойчиво подчеркивать: литература и поэзия принадлежат народу для того, чтобы поднимать идейно-художественный вкус народа. Этого от нас требует партия, в этом — наш вклад в дело борьбы за коммунизм.

И если на практике мы часто не ведем читателей за собой, даем суррогат вместо искусства, — в этом один из признаков нашего отставания от жизни народа.

Наш читатель колоссально вырос и колоссально быстро будет расти в семилетке. Произойдет повышение культуры во всем — производстве, воспитании, быту, эстетических и моральных запросах. А мы, писатели, поэты, еще много выпускаем литературного брака. И часть его идет под видом эталонной «примитивной народности» формы.

Твардовский пишет просто, бесхитростно, и потому он народный поэт... Это не так. Стихи Твардовского отнюдь не «просты» и не бесхитростны. У него своя, по-своему выражаемая глубина. И именно потому, что он глубок, он истинно народный русский поэт. А вот некоторые «последователи» Твардовского видят у него лишь кажущуюся простоту, неприязнительность его стихов.

А. Марков написал «Слово о народе», казалось бы, в «духе» Твардовского, а получилось совсем-совсем не то.

А у нас, в Грузии? Сколько слабых стихов появляется в форме псевдонародной лирики. О плохих, бездарных поэтах вообще не стоит говорить: тут уж ничего не изменишь. Но вот недавние стихи Г. Леонидзе «Дес» (из «Партинок прошлого»). Даже такой поэт, как Г. Леонидзе, желая сильнее побить врагов, сидящих когда-то на шее народа, стал возможным прибегнуть к выражениям и образам, «по-народному», как ему показалось, простым и «крепким»:

А примеры: Тютчев и Горький. — Тебя он предать научил, играть, скакать на воле... — Уши у него... постоянно прижали, как у цуглиной лошади.
«Непогоде... областное (?)». Только в непогоду вешь жалобу на безвременье. А. Кольцов.

«Зимний. Дорога, которой пользуются только зимой, по которой нельзя ездить летом. Областное (?)» — Вот он едет зябком по реке... с возом на мельничью. — Салт.-Щедрин. «Пробурить» — «спец». А к слову «Почин» — две недобротные пометы: «областное» и «просторечное». Примеры же — Чехов и Ленин: «Великий почин».

Павел Петрович Бажов дал такой отзыв об этом слове: «Обычный нехоту этого словаря: в нем никогда не найдешь того, что особенно нужно». (Подчеркнуто мною. — А. Ю.)

В IV издании «Толкового словаря» Дале было представлено 220 тысяч русских слов. В новом словаре их только... 85 тысяч. То есть исключено из литературного языка, страшно молвить, 135 тысяч слов. Да еще из оставшихся то многие снабжены пометой предостережения.

В древней Руси было уголовное наказание: «языка урезать». Но, право же, советские писатели и поэты не заслужили этого!

Было бы от чего прийти в отчаяние, вика, как благодаря нездоровому течению запретительства, все ширится и ширится разрыв между еще не успешившим выжить живым языком народа и языком литературным! Ведь язык пройдет еще пять-шесть лет, и огромные, ныне еще живые, огнищущие «платки» языка, изгоняемые из жизни, осядут, залгут под нафталином в сумках фольклористов, а потом пойдут оживать их! Какое чудовищное расто-

Сколько врагов было у нашей Родины. Но такого еще не было. Не было такого, как капиталист. С пустым сердцем. Вонючими мозгами — Кто о нем не слышал. Вот он, вот он, закрывающий свет. Сосущая земля. Жадная пиявка! Где ты его не ждешь, Где он не нужен, — Он с хищными котами Как раз тут как тут... (Построичный перевод)

В данном случае серьезная тема испорчена нарочитой якобы «народной» примитивностью формы.

Правда, у нас сильна и другая опасность — ложный артистизм. Как тбилиские молнии бросились подражать языку итальянским кинозвездам (что для подражателей демократического духа и смысла итальянского неореализма!), так и в поэзии есть тяготение к дурной изысканности, вычурности, бьющей на эффект образности.

Здесь мне хотелось бы отойти от нашего грузинского материала и высказаться в порядке дискуссии, которая шла между итальянскими и советскими поэтами.

Поэтика «герметизма», уточненная, но, на мой взгляд, холодная, далека от нашего понимания жизни и литературы. Мы признаем, что уточненность может быть артистичной. Но наш артистизм иной. Мы не можем и не хотим замыкаться в кружок людей, гурмански наслаждающихся изысканным оборотом речи. Мы хотим иметь широкую аудиторию, видеть в поэзии не только себя, а человека нашей жизни, нашего строя, нашего века. Он — наш главный друг.

Итальянские поэты упрекали нас в недостаточности артистичности, в недостаточности искусства поэзии. Мы можем согласиться кое с чем в этих упреках. Да, у нас много слабых стихов и слабых поэтов. Но у нас есть много прекрасных стихов и очень сильных поэтов. Мы решительно отвергаем предположение, будто причина слабых стихов — в якобы присутствующем советским поэтам конформизме. Это чепуха! Плохие стихи пишутся плохими поэтами или теми, кто делает пошлость свою культуру, а не делая этого.

Вчитаемся в тезисы доклада о контрольных цифрах развития нашей экономики и культуры на семилетие. Если кое-что истолкует семилетний план как одностороннее движение к одному только «чистому» техническому развитию советского общества, — это будет ошибка. Коммунизм, который строится народом и к которому мы так значительно приближились в течение семилетия, — это общество всесторонне развитых людей. Гуманитарные дисциплины не исчезнут. А главное, специалистам по этому, кибернетике, автоматике — всем работникам коммунистического общества будут нужны история и поэзия, философия и живопись, музыка и лингвистика. Пусть уж своим сугубым прагматизмом, а точнее говоря, легитимностью, хвастают в Союзинформбюро! У нас этого нет и не будет, у нас другие люди и другие идеалы.

Впрочем, в США есть люди, которые встревожены односторонним воспитанием своего молодого поколения. В № 14 журнала «Америка» за прошлый год несколько профессоров высказали свою точку зрения на то, каким должно быть современное образование. Они тоже говорят о разностороннем развитии, о нравственном значении гуманитарных знаний, литературы и искусства. И что же получается? Они ратуют за «либеральные принципы» в виде «бесклассовой философии», за терпимость, которая оборачивается на деле защитой религии (например, у Теодора Хесбургера) и утверждением «глубокого» смысла сюрреалистической живописи (у Дугласа Найта).

«Нет, мы убеждены, что на базе капитализма одностороннее развитие человека устранить нельзя. Мы расходимся в суждениях с зарубежными профессорами о смысле жизни и методах воспитания человеческой личности.

Потому-то нам и не нужен «герметический», «сюрреалистический» и прочий подобный артистизм. Нам нужен высокий массовый вкус народа, над чем и должны работать советская литература, советская поэзия, в частности лирика. А для того, чтобы успешно справиться с этой задачей, нам, писателям, необходим полный народный артистизм, то есть культура, мастерство.

Скоро мы станем свидетелями и участниками грандиозной трудовой перестройки всего воспитания человека, и в семье, и в школе, от младых, как говорится, ногтей.

«Самое главное в этом деле — надо дать лозунг и чтобы этот лозунг был священным для всех детей, поступающих в школу, что все дети должны готовиться к полезному труду, к участию в строительстве коммунистического общества».

Отсюда — свет! Трудовая перестройка школы очень скоро скажется и на языковом воспитании подростков и юношества, на представленных молодежи о языке.

Над пометами «просторечное», «простонародное», «спец» они только посмеются. Труд физический на социалистических полях, в мастерских школ или на заводе станет для них любимым, священным. Они будут с детства любить и знать и орудия своего труда, и станки, и машины. Какое уж тут «спец»!

Это приведет к пирамиде, глубинному и вещественному знанию языка. Только океан народного языка даст писателю и поэту слово, равновеликое дням советского народа, строителя коммунизма!

Это же барски-пренебрежительное отношение к труду и к трудовому народу, укреплявшееся не только одним гимназиями, а и всей системой классового общества, сказавшееся и в презрительном отрицании законнейшего права трудовых масс участвовать своей живой речью, всем своим жизненным укладом в создании великого общенародного литературного языка.

«Я ВЕРЮ В СТРОКИ...»

Судьба Степана Щипачева исключительно счастлива. Сколько людей, прочитав его короткие лирические строки, подумало: я тоже так чувствовал, это пережил! Его лирику знают и любят все, кто ищет в поэзии не ухищрения бойкого пера, а умный совет и поддержку, свежую мысль, созвучное переживание. Популярность Щипачева велика не только в нашей стране, но и за ее пределами.

В чем же секрет этого удивительного успеха? Только ли в том, что Щипачев пишет о любви? Или в том, что его стихи кратки и афористичны? Конечно, не только в этом.

Лирика Щипачева — лирика вечных, общечеловеческих тем — впитала в себя и его собственную биографию, и биографию его поколения.

Вот почему самые сокровенные лирические строки поэта нет-нет и повеет гарью минувших боев за свободу и независимость Родины, вот почему ему принадлежат мужественные слова о том, как люди его поколения «под тридцать лет сидели и не старели в шестьдесят».

В простой и удивительной биографии поэта скрывается и обаяние его лирики, и ее созвучность думам и чувствам нового, советского человека. Из тьмы подневольного труда к свету свободы, творчества, счастливой любви — таков был путь поколения. Это и заставляет по-новому звучать все те «вечные» мотивы, которыми богата лирика всех времен и всех народов.

Свой поэтический голос Щипачев обрел уже в зрелые годы, всю молодость проработав, как он сам пишет, «свояком чертополохом всяческих литературных «измов».

Одним из таких «измов» было увлечение космической поэзией. Но раздумья над судьбами мира и Вселенной, над будущим Земли в дальнейшем благотворно отразились в его философской лирике. И теперь, когда перечитываешь стихи «Начало пятаго, но мне не спится...», «Когда на свете не было меня», «Комета», охватывает радостное чувство. Ведь то, что было для поэта, нашего современника, двадцать лет назад «даже мыслям недоступной далью», стало действительностью.

Вокруг него творится мир живой, Вокруг него, вихря, руками трогая.

Это лирическое провидение поэта в наши дни становится волнующей явью, потому что для советского человека не только Земля, но вся Вселенная стала «одной лабораторией огромной».

Когда-то Щипачев мечтал взглянуть на Землю с такой высоты, чтобы «не видеть не частные детали, увидеть главные ее черты». И взглянул, и понял, что больше всего он любит родную, обжитую землю — всю ее подробности земной. Так и в лирике Степана Щипачева сочеталось общее ощущение эпохи с любовью к ее конкретным приметам. Широко известная книга С. Щипачева «Строки любви» — это зримые приметы чувств наших современников. Она вся озарена светом ясной, стойкой и преданной любви:

Я, может, сам такой любви не стою,
Но, принимая бури и ветра...
Живет, сияет чистой красотою
Любовь — высоким помыслам сестра.

Эта высота помыслов в любви, труда, размышлений об огромном мире и смысле жизни признавательность.

Чувство взаимной любви, ее трудно сохранимое счастье, ее «затменья» и ее красота часто служат для поэта поводом для сокровенной беседы с юным другом — современником. Отсюда в некоторых стихах Щипачева нотки назидательности, рассудочности. Поэт уже не «сопереживает» вместе с нами, а скорее поучает нас. Эти недостатки любовной лирики Щипачева были бы более заметны, если бы поэт не скрашивал многие стихи легким юмором, если бы он искренне не хотел помочь другим своим советом.

В годы войны и в послевоенные годы поэт удачно расширил свое творчество: его поэмы «Домик в Шушенском», «Павлик Морозов», а также автобиографическая повесть «Березовый сок» завоевали искренние и прочные симпатии читателей. За поэму «Павлик Морозов» С. Щипачеву была присуждена Сталинская премия. Во всех этих произведениях чистый и прозрачный лиризм, присущий поэзии Щипачева, спаялся с правдивым, реалистическим изображением нашего прошлого. Особенно глубоко по замыслу поэма «Домик в Шушенском», посвященная В. И. Ленину и судьбам поколения буденновских лихих конников, чапаевцев, людей, в которых «светится мечта твоя, Россия, в их молодость твоя, рабочий класс». Образ В. И. Ленина дан в поэме с большой душевной теплотой. Многие афористические строки «Домика в Шушенском» стали крылатыми. Вот В. И. Ленин склонился над рукописью:

Он знает, видит, в чем России сила
И где грядущее зарево.
Пусть ей еще не высокли чернила,
Словам уже бессмертье дано.

Среди поэм, воссоздающих образ Ленина, «Домик в Шушенском» Степана Щипачева принадлежит к лучшим. Достигая нашей лирики, поэт обращается к собственному поэтическому опыту, подытоживает свои удачные и поражения, свои срывы и успехи, поэт твердо и уверенно заявляет:

Я верю в строки, без которых
Сегодня людям жить нельзя.
Хочется и нам верить, что таких
Строк в поэзии Степана Щипачева
будет все больше и больше.

В. ДЕМЕТЬЕВ

Сегодня в Центральном Доме литераторов состоится большой вечер, посвященный творчеству Степана Петровича Щипачева.

«А я все равно к нему пойду!»
«Цып!» — она прижалась лицом к моей щеке и после небольшой паузы, вздохнув, зашептала:

«Я все сделала сама! Я уже продумала. Отцом ребенка будешь не ты!»

«Не я?! — меня бросило в жар. — То есть как не я?»

«Ну какой же ты глупый! — весело удивилась она. — Нет, не дай бог, чтобы он был похож не на тебя!»

«Я все сделал сам. Понимаешь, в документах и вообще отцом будешь ты. А сейчас — запрещаю!»

«Голос у нее сорвался, а она, довольная, откинувшись навзничь и смеялась беззвучно. — чтобы нас не услышали.

«Да, я знал, что мне не поздоровится. Майор был человеком самых строгих правил, убежденным, что на войне женщинам не место, а любви — тем более.

«А я все равно к нему пойду!»

«Цып!» — она прижалась лицом к моей щеке и после небольшой паузы, вздохнув, зашептала:

«Я все сделала сама! Я уже продумала. Отцом ребенка будешь не ты!»

«Не я?! — меня бросило в жар. — То есть как не я?»

«Ну какой же ты глупый! — весело удивилась она. — Нет, не дай бог, чтобы он был похож не на тебя!»

«Я все сделал сам. Понимаешь, в документах и вообще отцом будешь ты. А сейчас — запрещаю!»

«Голос у нее сорвался, а она, довольная, откинувшись навзничь и смеялась беззвучно. — чтобы нас не услышали.

«Да, я знал, что мне не поздоровится. Майор был человеком самых строгих правил, убежденным, что на войне женщинам не место, а любви — тем более.

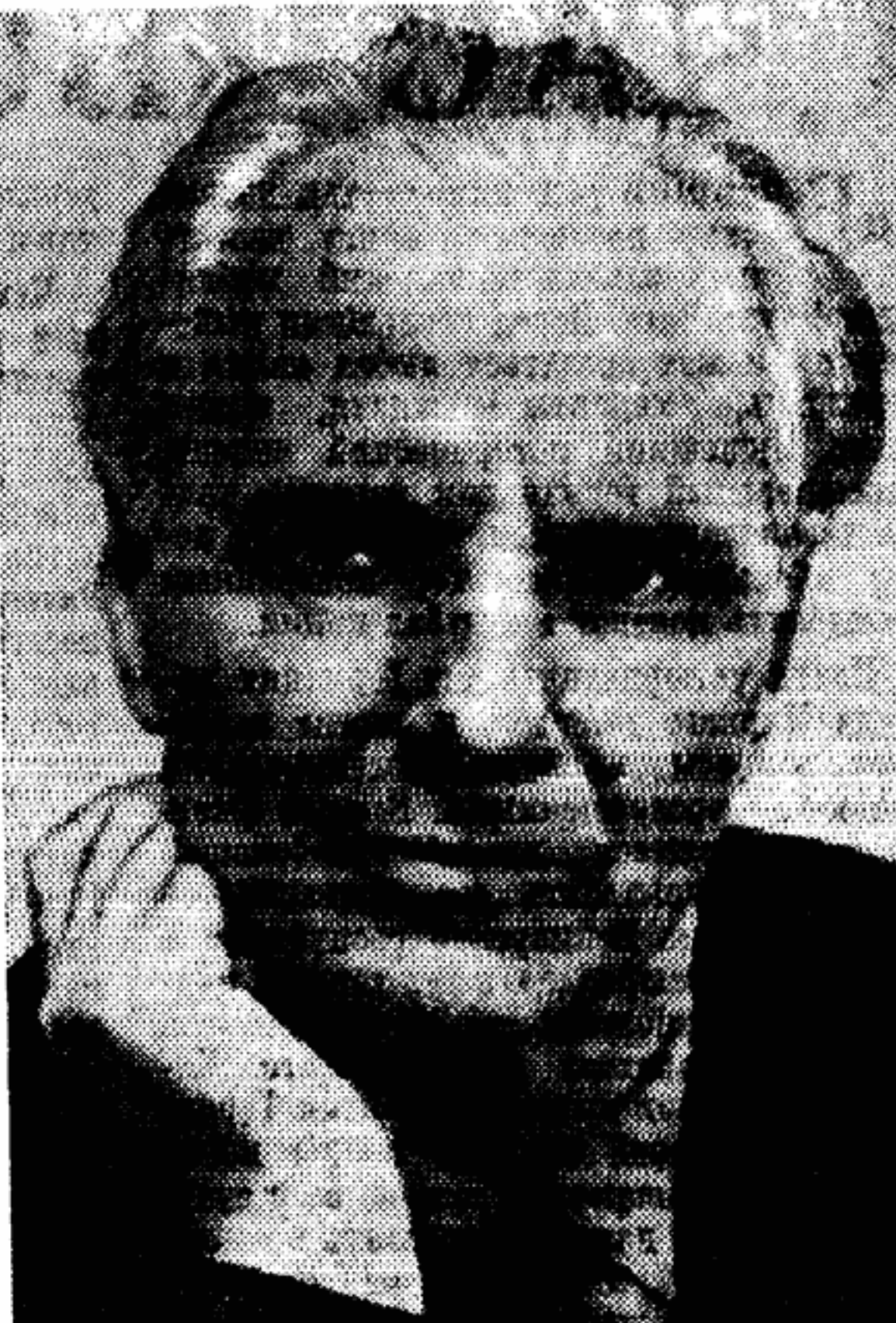
«А я все равно к нему пойду!»

«Цып!» — она прижалась лицом к моей щеке и после небольшой паузы, вздохнув, зашептала:

«Я все сделала сама! Я уже продумала. Отцом ребенка будешь не ты!»

«Не я?! — меня бросило в жар. — То есть как не я?»

«Ну какой же ты глупый! — весело удивилась она. — Нет, не дай бог, чтобы он был похож не на тебя!»

Степан Петрович Щипачев

В. БОГОМОЛОВ

Первая любовь

Мы лежали, крепко прижавшись друг к другу, и земля не казалась нам жесткой, холодной и сырой, какой была на самом деле.

Мы встретились уже пятый месяц — с тех пор, как она прибыла в наш полк. Мне было девятнадцать, а ей — восемнадцать лет.

Мы встречались тайком: командир роты и санитарка. И никто не знал о нашей любви и о том, что нас уже трое...

«Я чувствую, это мальчик! — Ей пятнадцать лет, это уверяла она. Ей страшно хотелось мне угодить. — И весь в тебе!»

«В крайнем случае согласен и на девочку. И пусть будет похожа на тебя — думая совсем о другом, прошептала я.

«Метрах в пятистах впереди, в блиндажах и прямо в окопах, спали бойцы за линией боевого охранения, «вешающие» редким вспыхивающим немецких ракет, затаялись скрытая темнотой высота 162.

На рассвете моей роте предстояло совершить то, что неделю назад не смогла сделать другая рота. — захватить высоту. Об этом в батальоне пока знали только пятеро офицеров, те, кого вечером командир в штабную землянку майор, командир полка. Ознакомив нас с приказом, он повторил мне:

«...Значит, помни: сыплют «катушки», зеленые ракеты, и ты пойдешь... Соседи тоже поднимутся, но высоту будешь брать ты!»

Мы лежали, тесно прижавшись друг к другу, и целуя ее, я не мог не думать: о предстоящем бое. Но еще более меня волновала ее судьба, и я мучительно соображал: что же делать?

«...Я должна теперь спать за двоих, — меж тем шептала она ономичным певучим говорком. — Знаешь, по ночам мне часто кажется, что наступит утро, и все это кончится. И окопы, и кровь, и смерть... Третий год уже — ведь не может же она продолжаться вечно... Представь себе: утро, восходит солнышко, а войны нет, совсем нет...

«Я пойду сейчас к майору! — Высвободив руку из-под ее головы, я решительно поднялся. — Я ему все расскажу, все! Пусть тебя отправят домой. Сегодня же!»

«Да ты что, дурачок? — привстав, она поймала меня за рукав и с силой притянула к себе. — Ложись!.. Ну какой же ты дурачок!.. Да майор с тебя шкуру спустит!»

«Обращаясь к собственному поэтическому опыту, подытоживает свои удачные и поражения, свои срывы и успехи, поэт твердо и уверенно заявляет:

«Я верю в строки, без которых
Сегодня людям жить нельзя.
Хочется и нам верить, что таких
Строк в поэзии Степана Щипачева
будет все больше и больше.

В. ДЕМЕТЬЕВ

Сегодня в Центральном Доме литераторов состоится большой вечер, посвященный творчеству Степана Петровича Щипачева.

«А я все равно к нему пойду!»
«Цып!» — она прижалась лицом к моей щеке и после небольшой паузы, вздохнув, зашептала:

«Я все сделала сама! Я уже продумала. Отцом ребенка будешь не ты!»

«Не я?! — меня бросило в жар. — То есть как не я?»

«Ну какой же ты глупый! — весело удивилась она. — Нет, не дай бог, чтобы он был похож не на тебя!»

«Я все сделал сам. Понимаешь, в документах и вообще отцом будешь ты. А сейчас — запрещаю!»

«Голос у нее сорвался, а она, довольная, откинувшись навзничь и смеялась беззвучно. — чтобы нас не услышали.

«Да, я знал, что мне не поздоровится. Майор был человеком самых строгих правил, убежденным, что на войне женщинам не место, а любви — тем более.

«А я все равно к нему пойду!»

«Цып!» — она прижалась лицом к моей щеке и после небольшой паузы, вздохнув, зашептала:

«Я все сделала сама! Я уже продумала. Отцом ребенка будешь не ты!»

«Не я?! — меня бросило в жар. — То есть как не я?»

«Ну какой же ты глупый! — весело удивилась она. — Нет, не дай бог, чтобы он был похож не на тебя!»

«Я все сделал сам. Понимаешь, в документах и вообще отцом будешь ты. А сейчас — запрещаю!»

«Голос у нее сорвался, а она, довольная, откинувшись навзничь и смеялась беззвучно. — чтобы нас не услышали.

«Да, я знал, что мне не поздоровится. Майор был человеком самых строгих правил, убежденным, что на войне женщинам не место, а любви — тем более.

«А я все равно к нему пойду!»

«Цып!» — она прижалась лицом к моей щеке и после небольшой паузы, вздохнув, зашептала:

«Я все сделала сама! Я уже продумала. Отцом ребенка будешь не ты!»

«Не я?! — меня бросило в жар. — То есть как не я?»

«Ну какой же ты глупый! — весело удивилась она. — Нет, не дай бог, чтобы он был похож не на тебя!»

РАССКАЗ

Первая любовь

Она была так по-детски простодушна и правдива, что подобная хитрость поразила меня.

«На кого же ты скажешь?»

«На кого-нибудь из убивших. Ну, хотя бы на Вайнова.»

«Нет, убивших не трогай. — Тогда на Киндьева.»

«Старшина Киндьева, красивый беспутный мальчик, был выпихова и вор, отправленный недавно из части.»

«Растроганный, я откинул полу шинели и рынком привлек ее к себе.»

«Тихо! — она испуганно уперлась кулачками мне в грудь. — Ты раздавишь нас! (Она уже начала говорить о себе во множественном числе и по-ребячьи радовалась при этом.) — Глупый ты мой!.. Нет, это твоё счастье, что ты меня встретила. Со мной не пропади!»

«Она смеялась задорно и беззаботно, а мне было совсем не до смеха.»

«Слушай, ты должна пойти к майору сейчас же!»

«Ночью? Да ты что?!

«Я тебя провожу! Объяснишь ему и скажи, что тебе плохо, что ты больше не можешь!»

«Но это ж неправда!»

«Я прошу тебя!.. Как ты будешь?.. Ты должна уехать! Ты пойми... а вдруг... А если завтра в бой?»

«В бой? — она зябко насторожилась, очевидно, все поняв. — Нет, это правда?»

«Да.»

«Некоторое время она лежала молча. По ее дыханию — такому знакомому — я почувствовал, что она зволнована.»

«Что ж... от боя не бегают. Да и не убежишь... Все равно, пока меня коммисуют и будет приказ по дивизии, придет несколько дней... Я пойду к майору завтра же. Решено?»

«Я молчала, силась что-либо придумать и не зная, что ей сказать.»

«Думаешь, мне легко к нему идти? — вдруг прошептала она. — Да горло умереть!.. Сколько раз он мне говорил: «Смотри, будь умницей!»... А я... А еще коммисовал...»

«Всклинувшись, она отвернулась и, уткнув лицо в рукав шинели, вся отрясаясь, беззвучно заплакала. Я с силой обнял ее и молча целовал маленькие губы, лоб, солёные от слез глаза.»

«Пусти, я пойду, — отстраняя меня, еле слышно вымолвила она. — Ты проводишь?»

«Мы спускались в темную, сырую балку, где помещался батальонный медпункт, и я поддерживал ее сзади за талию, чуть начавшую полнеть. Я поддерживал ее обеими руками, страхом каждый ее шаг: чтобы она не оступилась, не оскользнулась, не упала. Словно я мог уберечь ее, отградить от войны, от боя на заре, где ей предстояло бежать, падать и перегибаться на себе раненых...»

«С тех пор прошло пятнадцать лет, но я помню все так, будто это было вчера.»

«На рассвете сыграли «катушки», неистово били минометы и дивизионная артиллерия, волетели зеленые ракеты...»

«А когда взошло солнце, я с остатками роты ворвался на высоту. Слуга полка в немецкой добротной траншее командир полка и еще кто-то, поздравляя, обнимали меня и жали мне руки. А я стоял, как столб, как пень, ничего не чувствуя, не видя и не слыша.»

«Солнце... если б я мог загнать его назад, за горизонт! Если б мог вернуть рассвет!.. Ведь всего два часа начал нас бить трое...»

«Но оно поднималось медленно, незумляно, и стояло на высоте, а она... она осталась там, позади, где уже лезали бойцы похоронной команды.»

«И никто, никто и не подозревал, кем она была для меня и что нас было трое...»

«(Из доклада Л. Соболева на Первом учредительном съезде писателей РСФСР)»

«Не кажется ли вам, что любовные отношения в наших книгах основаны не на новых, коммунист

«БОЛЬШИЕ решения» — так назвал свою последнюю книгу известный западногерманский публицист Пауль Зете. Перед «большими решениями» может оказаться любая нация в переломные моменты ее жизни, пишет автор. Нынешний исторический момент, переживаемый германским народом, также характеризуется тем, что он стоит перед «большим решением», призванным определить поворот в судьбах нации.

Почти четырнадцать лет Германия лишена Мирного договора, и многие коренные вопросы мирного урегулирования остаются неразрешенными. В наше быстро развивающееся время это большой период. Четырнадцать лет продолжалось существование Веймарской республики в Германии. Четырнадцать лет длилось царствование Наполеона — от 18 брмера до «битвы народов» при Лейпциге. Четырнадцать лет мирного развития Германии после второй мировой войны могли бы сыграть решающую роль во всей судьбе германской нации, определить полный, окончательный отход ее от прошлых ошибок и пороков традиций, создать основу новой, демократической жизни. Если это не произошло, то виной тому — реакционная, агрессивная политика западных держав и немецких милитаристов.

Новая инициатива Советского Союза — разработка проекта Мирного договора с Германией и предложение созвать Мирную конференцию для заключения Мирного договора — характеризует два важных свойства советской внешней политики: ее активный характер и ее реалистичность.

Тот факт, что в германском вопросе инициатива принадлежит Советскому Союзу, отмечают многие государственные деятели и газеты западных стран. Обозреватель газеты «Нью-Йорк таймс» Джордан указывает: «В Вашингтоне отдают себе ясный отчет в том, что в последние два месяца инициатива в отношении Востока и Запада находится в руках Москвы. Но крайней мере, среди некоторых должностных лиц укрепляется мнение, что Соединенным Штатам и их друзьям пора выступить с новым подходом к вопросу ослабления напряженности в холодной войне». Член правления социал-демократической партии Германии Фриц Эрлер также отмечает, что «в настоящее время русские взяли инициативу в свои руки». Это обстоятельство производит большое впечатление на общественное мнение всех западных стран. Лондонская газета «Ньюс оф юорлд» в этой связи признает: «Независимо от того, восхваляются ли Советским Союзом или не любят его, следует признать, что он постоянно выдвигает предложения, которые пленяют воображение общественности. Было бы хорошо, если бы западные

державы время от времени выступали с такой же инициативой».

Чем определяется реалистичность новых советских предложений, которую также вынуждено признать большинство западных обозревателей? Прежде всего из всех проблем, касающихся Германии, заключение Мирного договора — наиболее легко и быстро разрешимая проблема. Развитие международных отношений за послевоенное время убедительно показывает реальную возможность достижения соглашения по самым сложным вопросам международного урегулирования. Можно сослаться на такие примеры, как заключение мирных договоров с Болгарией, Румынией, Венгрией, Италией и Финляндией. Три из перечисленных стран, как известно, входят в социалистический лагерь, а две — являются капиталистическими государствами. Однако, несмотря на различные экономические системы, было достигнуто мирное урегулирование в отношении всех из перечисленных государств. Следует также отметить, что в период, когда были заключены мирные договоры с названными государствами, в Болгарии, Румынии и Венгрии находились советские войска, а в Италии — американские войска. Однако и те проблемы, которые возникали в связи с таким различным положением этих государств, оказались вполне разрешимыми.

Наконец, ярким примером мирного урегулирования, достигнутого в последнее время, служит факт заключения Австрийского государственного договора. Как известно, решающим в достижении соглашения по Австрийскому государственному договору оказалось то, что была найдена приемлемая для всех осно-

ва соглашения — восстановление политической и экономической независимости Австрии как нейтрального государства.

Что же препятствует заключению Мирного договора с Германией? Снова позиция тех кругов, которые не раз срывают справедливое разрешение германского вопроса. Реакционные газеты не скрывают на клеветнические выпады по адресу Советского Союза. Они заняты поисками аргументов, направленных против ясных и конкретных предложений, содержащихся в советских нотках. Однако можно отметить: в западной печати преобладает мнение, что советские предложения заслуживают тщательного изучения и от них невозможно отмахнуться, просто назвав их «пропагандой».

Правда, необходимо сразу же оговориться: «нет» в ответ на советские предложения сразу же посылались из Бонна, как только стало известно, что Советское правительство выступило с новой инициативой по германскому вопросу. Правящие круги ФРГ при этом не дали себе даже труда сколько-нибудь внимательно изучить эти предложения. Можно согласиться с одной из немецких демократических газет, которая сравнила реакцию Бонна на любые советские предложения с выкриками популя, заучившего лишь два выражения: «Не позволю», «Не допущу».

Противники мирного урегулирования с Германией, измыщая всякого рода аргументы для «подкрепления» своей позиции, прежде всего ссылаются на то, что Мирный договор якобы увеличил бы раскол Германии. Агентство Франс Пресс, ссылаясь на официальные круги Бонна,

указывало, что «не может быть и речи о подлинном Мирном договоре, пока не будет известно, с каким из германских правительств он будет подписан». А далее в своих последних выступлениях снова склоняет на все лавы свою заботу об объединении Германии.

Выходит так, что единство Германии якобы гарантировано... отсутствием Мирного договора. Но ведь известно, что дело обстоит совершенно иначе. Не Мирный договор может породить раскол Германии, а наоборот, отсутствие Мирного договора — таков один из существенных факторов, определяющих разделение страны на два государства. Заключение Мирного договора создало бы необходимые условия для разрешения главной национальной задачи немцев — воссоединения Германии.

Советская инициатива создает новую обстановку, способствующую истинному соглашению по исключительно важной проблеме. Благодаря этой инициативе 1959 год может стать годом, знаменующим собой новую эру в развитии Германии, значительное смягчение международной напряженности и создание благоприятной обстановки для разрешения множества спорных международных проблем.

«Большое решение» должны принять теперь западные державы, и прежде всего германский народ. Все миролюбиво настроенные люди на земле искренне надеются, что имеющийся ныне шанс в урегулировании одной из насущных проблем современности не будет вновь упущен по вине Запада.

Д. АЛЕКСАНДРОВ

ВАРШАВСКИЙ еженедельник «Политика» опубликовал статью известного польского литератора Казимежа Козьневского, озаглавленную «Молчание, которое не является золотом».

«Молчание, которое не является золотом»

Автор делится своими впечатлениями от состоявшегося в декабре прошлого года IX общего съезда Союза польских писателей во Вроцлаве. Этот съезд, пишет К. Козьневский, должен был стать съездом, на котором писатели широко коснулись бы волнующих их проблем. «Я наблюдал за ходом заседаний, в течение двух дней во время выступлений я и на пять минут не вышел из зала и стал свидетелем чрезвычайно примечательного факта: во Вроцлаве не прозвучало ни одного слова о литературе... Не обсуждались ни проблемы художественной формы, ни общественные функции нашей литературы. Разве они не существуют?»

Писатели молчали во Вроцлаве. Хотя именно там была отличная возможность начать дискуссию на узловые темы нашей современной литературы — дискуссию вокруг ее идейных и художественных проблем.

На съезде, продолжает автор статьи, много говорилось о свободе слова. Но можно ли рассуждать о свободе слова, не задаваясь одновременно вопросом: что оно выражает? «Проблему свободы слова нельзя оторвать от содержания этого слова».

Сегодня, в конкретных условиях социализации польского писателя, отмечает К. Козьневский, его строители стремятся при реализации своих задач использовать все средства общественного возмездия, а точнее, — устранить максимальное количество препятствий, которые могут появиться на этом пути. Поэтому так называемая «черная» литература... выражающая нигилистические общественные и моральные идеалы, считается литературой, которая затруднит, а не облегчит развитие общественных процессов, идущих ныне в нашей стране.

«Антони Слонимский, торжественно открывший вроцлавский съезд несколькими словами, облегчил себе дискуссию этой точкой зрения, необоснованно заявив, что определение «черная литература» используется по отношению к «полной картине нашей действительности, за исключением зла и называнию трудностей своими именами». Это не так. «Черная литература»... как раз и не дает полной картины нашей действительности, это попросту литература обыкновенного нигилизма. Можно ли, спрашивает затем Казимеж Козьневский, с чистой совестью требовать издания «Путешествия на край ночи», не говоря о том, что идеалы его автора — «дурны, ложны, античеловечны»? С тем же вопросом выступает автор

* Упадочнический роман французского писателя-коллаборациониста Луи Селина (Прим. ред.)

В ГАЗЕТЕ «Хабер» Турецкая газета о романе Пастернака «Доктор Живаго»

Автор пишет, что никто не может, не кривя душой, сказать, что шесть месяцев тому назад слышал имя Пастернака. Никто не осмелится заявить, что он до присвоения Пастернаку Нобелевской премии слышал, что был написан роман «Доктор Живаго». Самостоятельный успех Пастернака, отмечает Арыз, можно сравнить с удивительным пластмассовым обучением «хула-хупа» и бистом Бринит Вардо. Такие произведения не имеют ценности, не делают много шума.

Мы, турки, продолжает автор, больше всего боимся, как бы нас не заклеяли неведками. Поскольку «Доктор Живаго» восхитился на Западе, мы не читая романа, поспешили заявить, что он нам понравился. Страда от скуки, мы заставили себя прочитать роман. Он не произвел на нас впечатления, не оставил в душе ника-

* Бринит Вардо — французская кинозвезда. — Прим. ред.

кого следа. Мы удивились, почему вокруг романа поднялась такая шумиха, и вначале огорчились: «Неужели мы такие неотесанные?». Однако, в конце концов, мы пришли к выводу, о котором заявляем громко, во всеуслышание: роман «Доктор Живаго» скучен и тяжел. Литература знает немного случаев, когда такое слабое произведение вызвало такую упорную шумиху.

Нобелевская премия, заключает Арыз, присуждена роману лишь потому, что «в таких случаях иногда господствуют тонкие расчеты, запутанные рекомендации, субъективный подход». По мнению автора, Нобелевские премии в области литературы утратили свое значение, поскольку они нередко присуждались бездарным писателям. Литературная Нобелевская премия, указывает Арыз, «была присуждена даже политике Черчиллю!»

Речь идет, пишет К. Козьневский, о принципиальном участии союза в идеологической жизни в нашей стране. «Если он будет последовательно отказываться от этого, то его голос не будет слышен при принятии каких-либо принципиальных решений».

У писателя много обязанностей перед обществом, пишет в заключение своей статьи Казимеж Козьневский. Не следует ли теперь найти иные пути, «на которых польские писатели должны попытаться четко определить методы и степень участия литературы в строительстве социализма в Польше?»

Пробуждение Конго

4 ЯНВАРЯ в центре Бельгийского Конго — городе Леопольдвиле не прекращаются выстрелы и скрежет танковых гусениц. В Бельгийское Конго спешно перебрасываются дополнительные контингенты бельгийских войск. Полицейские патрули, развешивающие по африканским кварталам на грузовиках с радиостанциями, снова и снова зачитывают предупреждение генерал-губернатора, угрожающего «сурово и твердо» расправиться с демонстрантами.

Что же произошло в колонии, где, по словам колонизаторов, между угнетателями и угнетенными царил адидиллия?

...Перелистаем страницы истории Конго. Они написаны кровью ее народов и пропитаны пулеметными колониаторов. В старой негритянской песне, сложной на берегах Конго, поется:

«...Пришли белые! Моя деревня была велика, хижины ее были наполнены добром. В них жил великий народ: мужчины, женщины и дети.

Пришли белые! Они мне сказали: эта земля принадлежит нам, этот лес — наш, эта река — наша... Работайте на нас.

Пришли белые! Белые оказались солдатами бельгийского короля Леопольда II, превратившего бассейн реки Конго в свое частное владение. В начале XX века король Леопольд, которого В. И. Ленин назвал «делаягой, фи-

нансистом, аферистом», произвел очередную аферу: он продал свое владение... Бельгии, заработав несколько миллионов франков. Аферист в королевской мантии, несомненно, сорвал бы еще больше со своего же государства, если бы знал, какой лакомый кусок он сбывает: вскоре в Конго были обнаружены золото, алмазы, медь, кобальт, литий, тантал и другие редкие металлы.

Мелкий конторский служащий из английской торговой фирмы в Конго Морель в ряде книг рассказал о страданиях и лишениях народа Конго при леопольдовском режиме. «Если कोई не достает требуемого числа корзинок продуктов» — пишет Морель — «посылают солдат, которые убивают бесчисленно. В качестве доказательства они приносят на фактории головы или руки. Я много раз наблюдал, как руки и головы доставлялись на факторию». Один чиновник сознался: «Я убил 150 человек, отрубил 60 рук».

Что же изменилось за годы, прошедшие со времен правления Леопольда II? После того, как в Бельгийском Конго обнаружены крупнейшие в капиталистическом мире залежи урановой руды, большое влияние в колонии приобрел английский и американский капитал. По бельгийско-американскому и бельгийско-английскому соглашениям от 1956 года, 90 процентов урана поставляется в США и Англию. Конго превратилось в сырьевой придаток НАТО.

Нужно ли говорить, что под мрачной сенью НАТО колониальный режим в Конго не только не «подобрел», но, напротив, стал более жестоким. «Удел негров — бесправие и нищета. Легко представить себе материальное положение туземца, который имеет, скажем, жену и двух детей и зарабатывает 2—3 франка в день... Ведь денег не хватает даже на пищу. Еще хуже положение в туземной деревне. Большинство сельского населения постоянно

но, хронически недоедает...» — пишет в своей книге бельгийский журналист Эмиль Дюу.

Но Бельгийское Конго расположено не в вакууме, а в бурлящем, изменяющемся мире. На глазах у конголезского народа от пут колониализма освободились народы Ливии, Судана, Марокко, Туниса, Ганы, Французской Гвинеи. К настоящему времени более тридцати процентов территории всей Африки занимают независимые страны. Все это не могло не воодушевить народ Конго к решительной схватке с колониализмом. На повестку дня стал вопрос о предоставлении Конго независимости.

Именно под таким лозунгом — «Мы хотим независимости!» — проходила по улицам Леопольдвилля демонстрация африканцев. Именно на этот призыв шеф колониальной полиции командовал «Огонь!» и мостовая обгрялась кровью ста семидесяти пяти убитых и пятно раненых конголезцев. Столкновения между местным населением и колониальными властями продолжались. Африканцы Конго поднялись на борьбу за свои попранные права. Судя по сообщениям печати, национальное движение негров Конго за свободу охватывает всю страну.

События в Конго перепугали бельгийских колониаторов. Правительство срочно представило парламенту программу реформ в Бельгийском Конго. Эта программа содержит туманные и неопределенные обещания превратить Конго в демократическую страну, «способную решать вопрос о своей собственной независимости». Но она не изменяет колониальный статус Конго. Колониаторы слепо уповают на штыки. Они отказываются понять, что времени Леопольда II безвозвратно канули в лету, что пробуждение Африки — необратимый процесс.

В. БОГОСЛОВСКИЙ

— Зовите русского переводчика! Рисунок художника Фрица Вольфа из западногерманской газеты «Ди вельт»

ИСКУССТВО И СОВРЕМЕННОСТЬ

(Окончание. Начало на 1-й стр.)

Никак, например, не спутаешь работы немецких скульпторов Ф. Кремера, Г. Зейна со скульптурами старшего польского мастера Ксаверия Дунковского. Традиции национальной немецкой школы с ее экспрессивной, категоричностью формы чувствуются в скульптурной группе Кремера: «Призывающий», «Ворючий», «Сраженный» — это памятники «Иертам фашизма в Бухенвальде». Тут живет пафос высокой трагедии, линия сурово сосредоточены, фигуры полны динамикой. А как поэтично решает Г. Зейн скульптурную голову Мао Цзэ-дуна, давая образ молодого духом, сильного, мудрого человека.

Черты национального своеобразия, чешский ясный юмор ощущаются во многих работах мастеров Чехословакии. Проходя по их залам, с удовольствием отмечаешь, как сильны отраженные в живописи традиции советско-чехословацкой дружбы, как любовно, с лукавством обрисован русский солдат, скажем, у А. Забранского. Умение показать человека труда во всей его физической мощи и духовной красоте — сильная сторона чешской живописи и скульптуры. Особенно удачна в этом отношении голова шахтера, выполненная К. Покорны.

И лучшие произведения венгерских, болгарских, албанских художников радуют нас тогда, когда в них сочетаются современные темы с ярким выраженным национальным колоритом.

Только под южным солнцем на благодатной земле мог возникнуть мажорный, золотистый колорит картины болгарина С. Венева «Веселый год» — чаны, до краев наполненные искристыми вином, груды фруктов, бронзовые лица, крепкие жилистые руки веселых, слегка подвыпивших крестьян-усаечей. Но болгарское искусство не чуждается и драматических тем. Большое впечатление производит «Расстрел» И. Петровца. Мужественная фигура революционера, руки, ступни до крови, во всем обдулены ни тени слабости, нолебая. Углубленным психологизмом отмечен «Портрет матери художника» И. Петрова. Спокойная позда фигуры, наружные рабочие руки, плотно сжатый рот. В этой картине есть та простота, которая составляет одно из самых драгоценных свойств подлинного искусства... Столь же разнообразен по тематике

и решениям раздел Венгрии. Здесь и яркие цветовые сочетания панаю Э. Домановски для Будапештской Этнографической выставки, и свежее по колориту полотно А. Берната «Мастерская художника», и «Утро в Сталинвароше» Л. Мишкольци, где так хорошо ощущаешь бодрое настроение молодого индустриального города, встречающего новый трудовой день.

Сочетание больших национальных традиций с поисками новых выразительных средств, необходимых для решения современной темы, особенно плодотворно сказалось в румынской живописи. Прежде всего в творчестве ее виднейшего представителя Корнелиу Баба. Но его произведений мы коснемся ниже.

Сейчас хочется подчеркнуть один важный момент: говоря о национальных традициях живописи, следует помнить, что это — весьма широкое понятие, не только свести к нескольким узким приемам, к нескольким мастерам, как это бывало, например, в некоторых критических статьях, когда национальную традицию русского искусства представляло всего три-четыре имени. Если речь идет о русской живописи, то надо, мне кажется, брать все наш художественный фронт от Малевича или Архипова до Белянского-Бурилю, — кто будет отрицать, что творчество этих совершенно противоположных мастеров типично русское, и, как мне кажется, их разность и передает колоссальный диапазон всего того, что содержится в понятии наследия и традиции русского искусства.

И радостно, что именно с таким пониманием традиции, очевидно, была составлена экспозиция советского раздела, самого большого на выставке. В нем представлены художники различных манеры, самых различных творческих пристрастий — Сарьян и Иогансон, Серов и С. Герасимов, Дейнека и Корин, но объединенные общим методом социалистического реализма. Это радостно и важно. Радостно потому, что советское искусство, первое выступившее на путь социалистического развития, накопило уже немалые богатства, о которых можно судить и по этой экспозиции.

Но нельзя и бесконечно расширять понятие национального искусства. Понятие национального абсолютно чужд формализму, в котором уже пол-

ностью стертые всякие черты народного искусства, который космополитичен по самому своему существу. И мне думается, что та дискуссия, которая развернется в связи с выставкой при участии представителей искусства социалистических стран, возможно, поможет некоторым заблудившимся художникам отказаться от бесплодных путей в искусстве.

Однако решать, что принадлежит национальной школе, а что — нет, нужно серьезно и не с кондачка.

Я полагаю, что в свое время, ведя споры об импрессионизме, мы допустили ошибку, поставив под сомнение художественную ценность мастеров, чье творчество так или иначе было связано с этим течением. Искусство таких живописцев, как Мане, Дега, Ренуар, Тулуз-Лотрек, Ван-Гог, и других было не только объектом критики, но и объектом восхищения в лагерь формализма. В то время, как следовало внимательно разобраться в их сильных и слабых сторонах, что помогло бы выработать правильное взгляда на значение их художественного наследия.

Ведя борьбу с абстракционизмом как с бессмысленным и вредным течением станкового искусства, следует сказать о возможном его использовании в декоративно-прикладном творчестве. Ведь когда мы видим в оконных драпировках или, скажем, в обивочной ткани элементы реальных вещей, которые ломаются естественными складками материи и теряют свой смысл, то это плохо. Именно это становится формализмом, ибо предметное изображение теряет свое назначение.

Я считаю, что абстрактные приемы в области рисунка тканей, драпировочной материи и в ряде других видов декоративно-прикладного искусства весьма будут уместны в том случае, когда художник сознательно, умело, исходя из фактуры материала, выявляя его функцию, творчески использует традиции национального орнамента, решает декоративную задачу.

Однако странно, когда из абстракции, да, кстати говоря, еще без цветового решения, пытаются создать станковое живописное произведение.

Подобные примеры на выставке, к сожалению, имеются в разделе польского искусства, и авторам таких вещей было бы полезно познакомиться с отзывами широкого круга посетителей об их творчестве.

Вот графика художника Т. Кулисевича. Он не причислил к чистым его абстракционистам, но напряжение его

творчества представляется мне неверным.

Если судить по каталогу, в серии рисунков из жизни крестьян он брал нужную, социально острую тему. Но когда знакомился с каждым листом этой серии, — а я уверен, что с моим мнением согласится многие, — то не видишь крестьян. Люди стали для художника только поводом к эстетическим фокусам.

Т. Кулисевиц, бесспорно, обладает изысканным чувством пластического равновесия. Он знает, сколько и каких линий нужно дать на определенный формат бумаги и как это сочетать с платом и затеком. Но во все это только рошерер виртуоза; не пытается искать характер и психологию — их нет, а если все-таки попытаться представить себе жизненные протоотипы его рисунков, то можно только ощутить обиду за тех крестьян, которых автор взял объектом своего искусства.

Если в работах Кулисевица чувствуется изощренность, хотя и неверно направленные мастерство, то у польских последователей модернизма в живописи не ощущаешь даже этой эдакой метастабильной культуры мастера. И возникает неожиданная, неотвратимая мысль: а это, нарочито беспредметничество, вызывающее искажение, разрушение форм и цветов реальной жизни, не скрывает ли оно порой просто бесталанность и неумение?

Я всячески стараюсь отогнать эту мысль, не хочу верить в подобную возможность, но докажете мне, что Э. Эйбшиц, носящий почетное звание профессора живописи Академии изящных искусств, умеет рисовать. Я не вижу в его работах, по его женским, девушкам, натюрмортам, в которых линия неуверенна, а экстравагантность позы, неестественный излом руки, как мне кажется, вызваны неумением передать натуру во всей ее жизни и непринужденности.

Докажите мне, что другой профессор и абстракционист А. Марчинский чувствует цвет, что его грязные по колориту, безвкусовые по сочетаниям тонов полотна содержат какой-либо смысл. Думается, это невозможно.

С грустью просматривая такие экспонаты Польского отдела, видишь, что здесь больше традиции реалистического польского искусства разрушаются, те традиции, что живут, пожалуй, в лучших скульптурах Дунковского, но отнюдь не в его написанном маслом цикле кошмарных видений Освенцима: живут в простой, изящ-

ной фигуре «Обнаженной» А. Висневской, в работах некоторых польских графиков.

Я предчувствую, что польские товарищи будут со мною спорить: как же так, разве можно топтаться на месте, мы идем вперед, мы ищем новые формы для отражения современной жизни.

— Что ж, новые формы и приемы нужно искать, но не отбрасывать начисто при этом все, накопленное искусством прошлого, не разрушать его мудрые традиции.

— Традиции! — воскликнет оппонент. — Но кого могут устроить бесхитростные картины XIX века! Кого могут устроить хотя бы искусные копии реальных вещей и людей, когда есть цветная фотография, телевизор и широкий экран?

Да, не нужно копий. Мы тоже боремся против натурализма, но воплосу в том, что противопоставить ему. Нужно беспредметничеству, формалистическим выверты, чуждые, непонятные и потому ненужные народу? Соединить глубинную обобщенный, огромный эмоциональный заряд со стремительными ритмами сегодняшней жизни и воплотить все это в ясной, реалистической форме — вот путь, вот решение проблемы! Здесь у изобразительного искусства своя область, не подвластная фотографии, кино. К сожалению, далеко не все мастера реалистического толка поднимаются до высот такого большого искусства. Но значит ли, что такое искусство вообще невозможно?

Нет. Оно возможно. Более того, оно есть, реально существует, и совсем рядом, скажем, в соседнем румынском зале. Оно живет в работе скульптора И. Ирмеску «Юст академик Опреску», воплотившей монументальный обобщенный образ сильного и мудрого человека, и в очень своеобразных рисунках П. Эрдеши, и, конечно, ярче, полнее всего — в работах художника Корнелиу Баба.

Вот мастер, который дал, как мне кажется, прекрасный пример сочетания лучших традиций своего родного искусства со смелым поиском. Его картину «Крестьяне», одно из лучших полотен на выставке, не отнесешь, скажем, к искусству XIX века. Нет, омыслил и переискусил реалистическую традицию, на материале самостоятельных глубоких наблюдений жизни Баба со-

стал произведение потрясающей жизненной правды. Здесь нельзя ничего убрать, перенести, изменить, все прочно встало на свое место. Композиция поистине железная.

Автор при примере своей картины убедительно показывает, как надо преобретать второстепенным, незначимым для главного, как нужно концентрировать идею вещи, передавать ее во внутреннем ритме. На зрителя идет группа крестьян. Здесь мужчины, женщины, дети, на руках одной — грудной ребенок. На горизонте слева еле мерцает заходящий день, наступают сумерки. Зритель, как это бывает в жизни, не успевает подробно рассмотреть глаза каждого идущего, но как что ощущает вырастают их фигуры, в каждой чувствуется глубокая психологическая правда. Идут люди после тяжелого рабочего дня. Натруженные босые ступни таяло и быстро. Под распахнутой рубашкой видна грудь ранил-крестьянина, спящий ребенок доверчиво прилонился к матери — ни одной лишней подробности, а образ трудового народа внятно покоряет и подчиняет тебя у этого полотна. А какое глубокое знание человека, какая горячая любовь к нему! Если верно, что картины пишут не красками, а кровью сердца, то произведение Баба написаны именно так.

Я думаю, что истинный путь искусства лежит именно в том направлении, в каком идет Баба, в каком идут лучшие мастера немецкого, чешского, итальянского, советского искусства. Это путь, которым идут вытесненные живописцы. Стремление схватить непостоянно изменяющийся облик эпохи, ее напряженный пульс и дать глубокое толкование характерам и событиям современного мира — изобразительное искусство может только в том случае, если будет выбирать в себя все лучшее, накопленное в мировом искусстве. И в поисках новых средств, новых приемов будет оставаться демократичным, общедоступным, будет помнить о своем главном назначении — служить человеку.

И думается, что выставка, развернутая в Манеже, представляющая собой как бы сговор сил реализма, подводящая некоторые итоги развития изобразительного искусства двадцати социалистических стран, убедительно подтверждает эту истину.

Главный редактор В. КОЧЕТОВ. Редакционная коллегия: М. АЛЕКСЕЕВ, Б. ГАЛИН, Г. ГУЛИА, В. ДРУЗИН (зам. главного редактора), П. КАРЛИН, В. КОСОЛАПОВ (зам. главного редактора), Б. ЛЕОНТЬЕВ, Г. МАРКОВ, Е. РЯБЧИКОВ, В. СОЛОВЬЕВ